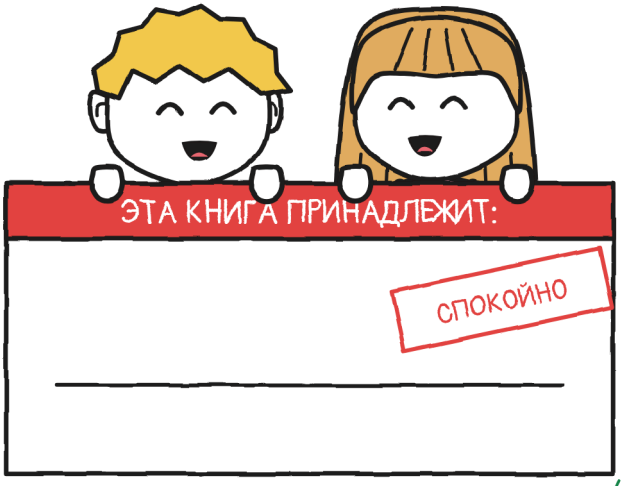

Спокойно. Пока не откроешь. —Ю.

Если найдёшь её, верни. Без сюрпризов: хозяину.

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: настоящих драконов не существует, а посылки не прилетают обратно. Для настоящего праздника смотри последнюю страницу. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 5

Один торт на двоих

LinguAula

(тетрадь Гуни)

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 5
Один торт на двоих

Пятая книга серии. Предыдущие: «Эта посылка кусается», «Не открывать до грома», «Верните, пожалуйста» и «Не здесь, Крошка!».

Текст и иллюстрации: LinguAula

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

© 2026 LinguAula · info@linguaula.com

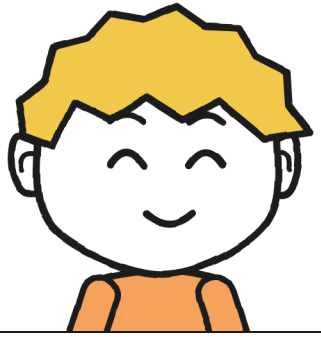
Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

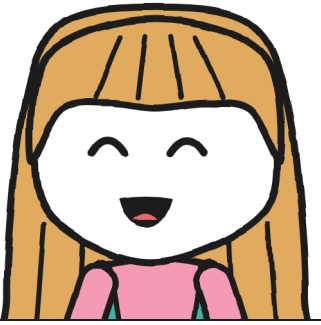
Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Ни один торт не пострадал при написании этой книги. Разрезан пополам — да. —Ю.

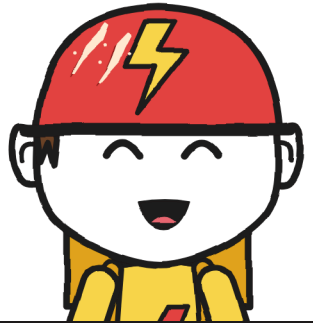
КТО ЕСТЬ КТО

Гуни. Субботний курьер. Эта тетрадь — его. Любит спокойные вечера.

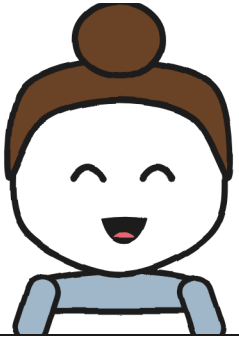
Юля. Пишет зелёным и подписывается Ю. Любит праздники с музыкой. И сюрпризы.

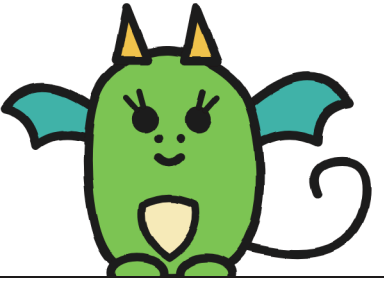
Тоньо. Развозит заказы для «МОЛНИИ». За десять минут или бесплатно. Обман он не развозит.

Мара. Хозяйка «Невозможных доставок». Носит ведьмину шляпу. Знает больше, чем говорит.

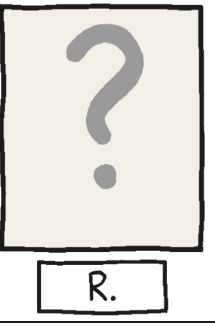
Элия. Пекарь нашего района. У неё одна печь и две руки.

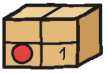
Крошка. Малышка-дракон. Живёт у Веры. Любит свечи. Слишком.

Посылка No 5. Снаружи такая же, как все. На этикетке написано: СОБИРАТЬ ТАМ, ГДЕ ПОМЕСТИТСЯ.

R. Присылает посылки, которые никто не может доставить. Имя R. никто не произносит.

ГЛАВА 1

Два приглашения

Четвёртая тетрадь закончилась уснувшей тапочкой, и лучшего конца для тетради я придумать не могу. Пятая — розовая. Цвета клубничной глазури на тортах, с печатью магазина в уголке. Мара оставила её на прилавке в субботу утром, ничего не сказав, и принялась выравнивать пузырьки с чернилами с таким вниманием, какого им совсем не требовалось. Это её способ не смотреть.

Для первой страницы я всю неделю подбирал слова. Второй тетради я дал слово ОФИЦИАЛЬНАЯ, третьей — СЕКРЕТНАЯ, четвёртой — ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ. Видимо, у меня слабость к словам с замком. В этот раз искать не пришлось: оно пришло само, как приходит то, чего ты уже несколько дней хочешь, сам того не замечая.

Сверху я написал ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 5 · Гуни, как и положено. А под этим, не торопясь, только что заточенным карандашом, одно-единственное слово:

СПОКОЙНО.

Без восклицательного знака. Спокойный восклицательный знак был бы противоречием, а с противоречиями я осторожен.

Юля стояла по ту сторону прилавка, наклонившись и склонив голову набок, как попугай, слушающий радио. Тетрадь она не просила. Ей и не нужно было: она читает вверх ногами так же быстро, как и в нормальном положении, и куда наглее.

— Спокойно, — сказала она, слову, а не мне.

Достала зелёный фломастер, который уже писал слабо, одним пальцем потянула тетрадь к себе и оставила мне под словом:

«Спокойно» пишет тот, кто не знает, что его ждёт.
—Ю.

Я прочитал это три раза, ища место, где она ошибается. Не нашёл, и это встревожило меня меньше, чем должно было.

Для тех, кто попал в эту тетрадь, не прочитав остальные: магазин называется «Невозможные доставки», он принадлежит Маре, а она ведьма, носит фиолетовую шляпу и владеет печатью, которая при оттиске рассыпает искры с запахом погасшей свечи. На левой полке она хранит возвращённые посылки: те, которые никто не сумел доставить, и все они присланы от R. Если получатель не распишется на этикетке чернилами, которые не стираются, на рассвете посылка прилетает обратно на свою полку. Их было

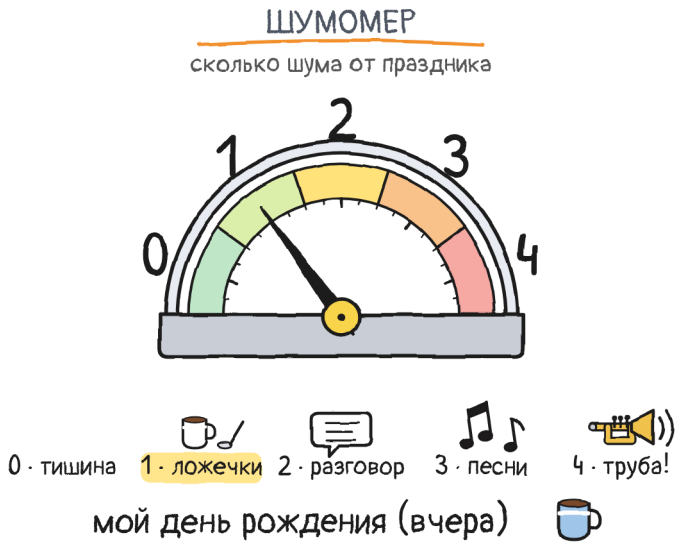
двадцать. Мы с Юлей доставили четыре: драконье яйцо, семена с ножками, колокольчик и набор для прибытия. На стене зелёными буквами написано ОСТАЛОСЬ 16.

Вчера, в пятницу, 16-го, у меня был день рождения. Я отметил его дома, с мамой: лимонный кекс, две чашки, и никто не пел. Было идеально.

С пением нужно объяснить, потому что у нас дома это не недосмотр, а договорённость. Накануне мама спросила меня, держа в руке хлебный нож: «Петь или не петь?» Я сказал: не петь. Она кивнула, как будто подписала, и сдержала слово. Нарезала кекс на четыре равные части, две на сейчас и две на потом, и довольно долго всё, что было слышно, — это ложечка о чашку, холодильник и, очень далеко, автобус. Лучшим в этом вечере было то, что слышно было автобус.

Про подарок Юли я расскажу дальше. Ему нужно своё место.

Чтобы записать день рождения как следует, в тот же вечер я придумал прибор. Это четвёртый в моей карьере, после дрожеметра, краснометра и тутометра: циферблат со стрелкой, как у часов, и пять делений. Ноль — тишина. Один — ложечки. Два — разговор. Три — песни. Четыре — труба. Я назвал его ШУМОМЕР, «сколько шума от праздника», поставил стрелку на 1 и внизу нарисовал маленькую чашку: это была моя.

Юля перевернула страницу, не спросив разрешения, посмотрела на циферблат, посмотрела на чашку и написала слабеньким фломастером:

День рождения на единице — не день рождения. Это полдник. —Ю.

Она закрыла фломастер, облокотилась на прилавок и сказала так, как читают повестку дня:

— В среду, 21-го, мой. И мы обещали отметить их вместе.

— После 21-го, — сказал я.

— В субботу, 24-го. В пять.

— В пять.

Мы оба записали. Я — карандашом, в розовой тетради; она — зелёным, в своей маленькой записной книжке, которую закрыла рукой целиком, как закрывают контрольную. Я прикрыл свою локтем. В глубине магазина Мара шлёпнула печать на бумагу, посыпались искры с запахом погасшей свечи, и ни один из нас не поднял головы, хотя эти искры, между прочим, пахнут. Мы стояли каждый на своём конце прилавка, боком и почти спиной друг к другу: двое людей, пишущих одну и ту же дату так, будто каждый — её хозяин.

Больше никто ничего не сказал. Теперь мне кажется странным, что двое людей, которые только что договорились, прикрывают то, что пишут. Тогда мне казалось, что писать лучше, когда локоть на своём месте.

Я уже знал, каким будет праздник. Юля — тоже.

Вот что знал я.

Юле нужен спокойный вечер. Она всё время бегает, засекает время и спрашивает, а когда наконец замирает, это видно по ноге, которая всё равно куда-то идёт. Полдник на скамейке у мостика, у канала, без шума, с термосом и маленьким тортом, пошёл бы ей на пользу. Я знаю эту скамейку. У неё есть одна расшатанная рейка, которая качается, если сесть на краешек, и это единственная скамейка в районе, с которой не видно ни одного магазина. Я

прихожу туда, когда мне нужно, чтобы ничего не происходило.

Это был бы сюрприз. Ей не пришлось бы ничего готовить. Только прийти. Мне казалось, что это лучший из возможных подарков: тот, который не требует труда.

Я мог бы её спросить. Я думал об этом, стоя у прилавка с карандашом в воздухе: «Юля, ты бы хотела вечер без спешки?» Но у вопроса есть ответ, а ответом может быть «нет». План не отвечает: он лежит на бумаге, неподвижный, и ждёт, а это лучшее, что умеет почти всё, что я рисую.

Я нарисовал его в то же утро, на следующем листе: скамейка, фонарь у начала мостика, торт, две чашки и термос. По дороге в магазин я измерил скамейку. Помещаются четверо. Сверху я написал ПЛАН ГУНИ (СЕКРЕТНЫЙ), чтобы не осталось сомнений, чей это секрет.

Про Юлин план я узнал только в следующую пятницу. Страницу, которая идёт дальше, написал не я: её написала она, позже, в моей тетради, и я оставил её там, куда она положила, рядом со своей. Ей там и место.

Вот что знала я: Гуни нужен настоящий праздник, с музыкой, даже если он сам этого не знает. Если спросить, он скажет «нет». Поэтому я не спрашиваю. —Ю.

Флажки она рисовала по одному, с терпением, которого я за ней не знал.

В полдень Тоньо вернулся с доставки. Оставил велосипед у двери, вошёл, не снимая шлема, и сел на свой ящик, где

сидит «пока что». С утра у меня были четыре синих конверта, надписанные карандашом моим лучшим почерком, с рукой, опёртой на край, чтобы не размазать, а Юля в глубине рылась в ящике со скотчем. Я прикинул, что у меня есть десять секунд.

— Держи. — Я отдал ему все четыре конверта. — Один тебе. Остальные — Маре, Вере и Флоре. Это сюрприз для Юли. Ей не говори.

— Сюрприз я сохраню, — сказал Тоньо.

Он сказал это тем голосом, которым говорит «принято». Сунул конверты в рюкзак, не глядя, а я подумал: как повезло, курьер, который не читает то, что развозит.

Что было дальше, мне рассказал Тоньо в пятницу, с указанием часа, потому что в «МОЛНИИ» час — это половина истории. Я уже ушёл обедать, когда Юля подошла к его ящику с пачкой зелёных конвертов, стянутой резинкой. Их было девять. Тоньо пересчитал их дважды.

— Один тебе. Остальные — Маре, Вере, Флоре, Элии, дону Антонио, Зое, Бруно и обувщице. Это сюрприз для Гуни. Ему не говори.

— Сюрприз я сохраню.

Та же фраза с тем же лицом. Наверное, именно этим курьер отличается от обманщика: курьер не меняет сообщение в зависимости от того, кто спрашивает. Правда, на этот раз он открыл оба своих, синий и зелёный, один за

другим, как проверяют накладную. В них было одно и то же: СУББОТА, 24-ГО, В ПЯТЬ. После времени шло место, и тут каждый писал своё.

Он рассказал мне это без прилагательных. Это его способ быть любезным.

Вечером я пошёл в пекарню к Элии заказать торт. Там пахло тёплой корочкой и чем-то сладким, чему я не нашёл названия. Когда я вошёл и колокольчик на двери ещё качался, я услышал, как закрылась дверь на кухню в глубине: сухой удар, какой наносят бедром. Мне показалось, что я увидел кусок зелёного комбинезона.

Я решил, что это просто другой комбинезон. Зелёных комбинезонов много, цвет практичный.

Это был мой. Элия вывела меня через кухню. —Ю.

— Маленький лимонный торт, — сказал я Элии. — Без ничего сверху. На субботу, 24-го, на пять часов, на скамейку у мостика. Это сюрприз для Юли.

Я произнёс эту фразу за день уже второй раз, и она звучала как девиз.

Элия записала заказ на листке своим круглым почерком и приколола его кнопкой к пробковой доске заказов. Там уже висел другой листок, перевёрнутый.

— Суббота, 24-го, в пять? В это время у меня уже есть другой торт. Для другого места.

— Чей?

— Это секрет. Как твой.

Я встал на цыпочки, что я делаю, когда мне нужно разглядеть то, что меня не касается, и что мне никогда не помогало. Я решил, что он для кого-то другого. В октябре у многих день рождения. Я подумал это тихонько, чтобы послушать, как звучит, и звучало хорошо: в месяце тридцать один день, а район большой.

— Твой секрет я сохраню, — сказала Элия, вытирая руки о фартук. — И того, другого, — его тоже. Но у меня одна печь и две руки. В субботу в пять обе руки будут в одном месте.

— А другой торт?

— Это решать вам, тем, кто их заказал. Я пеку торты. Праздники — нет.

Я записал: «Элия: одна печь, две руки, одно место». Числа я понял прекрасно. А «вам» пропустил мимо ушей, как пропускают автобус, который идёт не в твой район.

Мне она сказала это на следующий день. Я тоже не поняла это «вам». —Ю.

Когда я вернулся в магазин, Тоньо вытряхнул рюкзак на прилавок и раскладывал конверты по цветам: зелёные в одну сторону, синие в другую, так аккуратно, как раскладывают

то, что собираются развозить. Закончив, он пересчитал их заново. Потом ещё раз.

— Гуни, ты говорил с Юлей про праздник?

— Нет. Это сюрприз.

— Ясно, — сказал Тоньо. — В «МОЛНИИ» посылка с двумя адресами из магазина не выезжает.

— С какими двумя адресами?

— Этого я сказать не могу. Меня просили.

У «МОЛНИИ» правила на всё, и каждый раз, когда Тоньо на какое-то ссылается, я принимаю его на веру, даже если оно для меня новое. Это было новым. Я записал его, не поняв, в уголке листа с планом, куда помещается то, что никуда больше не подходит.

Тоньо спрятал по одному приглашению каждого цвета в карман рюкзака.

— Эти два мои, — сказал он. — Остальные — в понедельник.

Тут Маре, которая достаёт до любой полки без табурета, просто потому что командует, на этот раз пришлось встать на синий табурет, чтобы обеими руками снять с верхней полки коробку с № 5: такую же, как все на стеллаже, ни больше ни меньше. Внутри что-то деревянное хрустнуло. На полке остался чистый прямоугольник обычного размера,

прибавившийся к четырём пустым местам; табличка на стене по-прежнему показывала ОСТАЛОСЬ 16.

— Элия придёт в пять, — сказала Мара. — Наконец-то.

Два конверта в одном кармане. Ни один не знал о другом. Конверты, я имею в виду. —Ю.

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждый в своём размере. Один и тот же торт. —Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)